

«НЕ УМИРАЙ, ПОКА ЖИВЁШЬ...»

На вопросы Александра Радашкевича¹ отвечает Даниил Чкония

Даниил Соломонович ЧКОНИЯ, поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, автор одиннадцати книг стихов, родился 19 февраля 1946 г. в Порт-Артуре (ныне Люйшунь) в семье врачей. Учился в Бердянском педагогическом институте и Тбилисском университете, окончил Литинститут им. А.М. Горького. С 1973 г. работал консультантом правления СП Грузии, с 1975 г. консультант СП СССР по грузинской литературе, затем старший редактор Литературной консультации СП СССР, старший редактор редакции поэзии народов СССР изд-ва «Советский писатель». В 1994–1995 гг. консультант аппарата Комитета Государственной Думы по образованию, культуре и науке (подкомитет по культуре, в который был принят на работу в результате конкурсного отбора). В 1995 г. эмигрировал в Германию, живёт в Кёльне. Работал экскурсоводом по странам Бенилюкса, в Германии редактировал «Литературные ведомости» (приложение к газете «Ведомости»), был членом редколлегии журнала «Родная речь», главный редактор (соредактор) журнала «Зарубежные записки» (2005–2009), зам. гл. редактора журнала «Эмигрантская лира» (Бельгия). Член Союза писателей СССР с 1976 г., Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-Центра.

Даниил Чкония и Александр Радашкевич на фестивале «Эмигрантская лира – 2012». Льеж, август 2012 г. Фото Татьяны Перцевой.

Александр Радашкевич: Дорогой Даня, мы познакомились с тобой в ставшем почти родным Льеже на «Эмигрантской лире» в 2011 году, по-моему, но уже знали друг о друге, поскольку ты печатал меня в «Зарубежных записках», отличавшихся в ту пору прекрасным

¹ Информация об авторе опубликована в разделе «Редакционная коллегия» (стр. 5).

литературным уровнем. С тех пор много живой воды утекло, мы встречаемся каждый год на этом фестивале, и очень многое изменилось в наших судьбах и к лучшему, и к худшему, как у всех. В прошлом номере нашего журнала опубликован последний фрагмент моих бесед с Кириллом Дмитриевичем Померанцевым. Он считал, что о каждом из нас есть «замысел Господний». Ощутил ли ты его каким-то образом и старался ли следовать ему по мере сил?

Даниил Чкония: Боюсь по отношению к себе использовать столь высокое определение, но, оглядываясь на прожитую жизнь, вижу, что некая неумолимая логика – при всех отклонениях – присутствует. Какая-то осознанность пути в главном сложилась.

А. Р.:

Опять пустые разговоры,
С концами не свести концы...
Нас учат честной жизни воры
И – благородству – подлецы.

Это твои знаменитые строки. Ты был одним из тех, кто стоял у руля советских литературных журналов, стал свидетелем смены эпох, перетасовки стран, ухода знакомого и обжитого мира, полного перерождения литературных вкусов и самой практики публикаций, ухода старых литературных кланов и рождения новоявленных, не менее воинственных, закрытых и зашоренных. К чему, по-твоему, ведёт вся эта игра мышей на фоне ухода большой литературы в бесплодный интернет-песок и широкого расцвета гиперактивной, самонадеянной и наглой графомании (с тысячами восторженных подписчиков), напоминающей мне любование идиотскими «селфи»?

Д. Ч.: Ну, по поводу этого моего давнего четверостишия я могу сказать, что его популярность была обнаружена мной совершенно случайно: кто-то прислал мне перепост публикации – сфотографированной страницы из моей книжки, и потом регулярное появление таких перепостов со множеством лайков подтвердило его популярность. Кстати, случилось забавное: нашлись люди, которые стали утверждать, что это строки Губермана («классику нужно знать» – сообщила одна дама). На моё предложение указать в какой книге Игоря Мироновича и на какой странице это опубликовано, она не отозвалась. Написано это в 1986 году, где-то в периодике оно мелькнуло, а в книжке «Перед паузой» (1997) я его опубликовал, а потом перепечатал в нескольких следующих. У меня только один ответ: эти печальные строчки в исполнении Губермана отличались бы блистательным

чувством юмора. Но сам факт, что это стихотворение приписывали Губерману, вызвал у меня что-то вроде чувства гордости. Теперь уточню: у руля советских журналов не стоял, был издательским редактором. А вот, рассуждая о переменах в литературной жизни, в поэзии, я не соглашусь с тезисом, что всё так уж плохо. По мне, выход из андеграунда многих поэтов ныне уже старшего поколения дохнул таким свежим ветром и предложил такую высокую планку, что удивляться появлению достаточно большого количества интересных авторов последующих поколений не приходится. А самостоятельная масса неких интернет-сайтов, поддерживающих активность графоманства, с одной стороны, и появление немалого количества авторов, создающих бездушные, но технически грамотные тексты – это естественное побочное явление произошедших перемен. Печальное явление, но объяснимое.

А. Р.: Как я уже сказал, мы не первый год участвуем с тобой в финальном жюри Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» и сотрудничаем в редколлегии одноимённого журнала. Что приносят тебе как автору и человеку эти конкурсы, встречи и публикации?

«Эмигрантская лира – 2011».

В жюри – Александр Мельник, Даниил Чкония, Александр Радашкевич.
Львёж, дворец Курциуса, 30.IX.2011 г.

Д. Ч.: Да, я, между прочим, помимо Александра Мельника, единственный член жюри всех десяти прошедших фестивалей. Открытие новых имён, знакомство с талантливыми поэтами, с

некоторыми из них перешедшее в дружбу, живое ощущение проблем, с которыми сталкиваются молодые авторы, живущие за пределами России – это ощущение пульса времени. Таким же благотворным для меня было председательство в жюри двух фестивалей «Дорога к Храму» в Израиле и несколько лет председательства в жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» в Риме. И так складывалось, что в судьбе некоторых молодых авторов я в той или иной степени принимал участие, а теперь радуюсь их успехам.

А. Р.: Как бы ты определил роль сегодняшней эмиграции по отношению к литературным процессам на родине, в столицах и провинции? Или же эта грань и разделение уже окончательно стёрты?

Д. Ч.: Различия есть. Но они скорее не в оценке качества текстов, не в понимании того, что есть поэзия, а в подходах к тем или иным темам, сюжетам с их реалиями, деталями, что может отражаться в какой-то степени и в стилистике. Можно говорить о некоем общем отличии в поэзии авторов, живущих в странах с большой русскоязычной диаспорой. С некоторой осторожностью я бы обозначил «американскую» русскую поэзию, «израильскую» русскую поэзию, «немецкую» русскую поэзию. Но по большому счёту – это явления богатой и разнообразной единой русской поэзии, в которую вливаются по-прежнему русская поэзия в Беларуси и Украине, в Грузии и Казахстане и т. д..

А. Р.:

* * *

Мелкий дождь, стекающий за ворот,
Говорит, что жизнь нехороша.
Значит, снова падает на город
Осени ненастная душа.

Листья шелестят благоговейно
И шуршат у времени в горсти.
И волна недремлющего Рейна
Норовит их дальше унести.

Чайки то пикируют на сушу,
То опять срываются к воде...
Где тебе согреет осень душу,
В сумерки упавшую? Нигде.

Ничему не придавать значенья,
А ещё вернее – помолчать.
И реки стремительной теченья,
Как теченья лет, не замечать.

Мне очень близки (среди многих и многих) эти твои строки по своему настроению... «Я сочиняю эти города, / Угадываю, чую по наитью...» Однажды, во время выездного фестиваля «Эмлиры» в Кёльне, мне пришлось насладиться твоим памятным туром по центру города и открыть для себя, какой ты блестящий и вдохновенный гид. Ты писал: «Я стою посередине Европы / С азиатской тоскою в глазах». А вот ещё: «пусть пройду я незамеченным / всё одно уйду не сломан / и живу неонемеченный / не расставшись с русским словом». Каково твоё отношение к (как сформулировано в наших фестивальных номинациях) стране нынешнего проживания? Близка ли тебе великая немецкая культура в своём мировосприятии?

Д. Ч.: Я смотрю на немецкую поэзию, как иностранец, как раньше смотрел на неё из Москвы. Это связано с тем, что я активно живу, как редактор и автор в русском языке, что я почти 18 лет проработал гидом по странам Бенилюкса, по нашему региону Германии с русскоязычными экскурсантами. Когда ты пять дней в неделю проводишь с туристами в автобусах и городах и ведёшь экскурсии на русском языке, а, вернувшись из поездки, часто вместо отдыха сидишь над подготовкой очередного номера журнала, в немецкий ты уже не въезжаешь, оставаясь на уровне бытового языка. И немецкую поэзию я воспринимаю, как русский читатель – в переводах.

А. Р.:

Я книгу столетий сегодня с тревогой листаю.
Отринь свою спесь и трусливость свою не таи
Сама от себя, ведь сбиваются варвары в стаю
И в жалкие толпы собьются народы твои!

Меня, живущего, как и ты, в самом сердце прекрасной Европы, кольнули эти строки своей нагой правотой. Каким тебе видится будущее старого континента?

Д. Ч.: Это строчки из моего стихотворения, написанного, как предупреждение Европе, почти 15 лет назад. Я трижды ставил его в фейсбуке, оно было почти незамечено. А вот вдруг стали приходить письма с вопросами: как ты это предвидел? Не знаю. Я – не очень силен в аналитике, это – интуиция, это поначалу неосознанное и не

выраженное в словах ощущение. Более того, меня смущала мысль, что у меня нет права лезть к европейцам и немцам, прежде всего, со своими сентенциями. Я здесь чужой. Хотя Европу люблю, ценю её разнообразие и её историю! Не берусь предсказывать, не хочу, чтобы случилось так, как мне это привиделось, надеюсь на осмысленность божественного провидения.

А. Р.: «Когда Россия вспрянет ото сна... / Когда... Россия... Сон глубок и тяжёл». Меня поразило созвучие этих твоих строк с моим старым стихом «Когда стряхнёт свой сон Россия, / Шатаясь, встанет в рост с колен...» Тот же трудный вопрос – относительно будущего родной «одной шестой» земной суши.

Д. Ч.: Мне горько видеть, что Россия вышла из 90-ых разочарованной! Утрата надежд, не обретённый смысл движения страны в сторону развития гражданских свобод и становления гражданского общества... В 1989 году я, общаясь со студенческой аудиторией в США, с энтузиазмом сообщал об этих надеждах и чаяниях, хотя многое уже тогда меня смущало. В 1992 году, общаясь с той же аудиторией, я с горьким чувством говорил, что люди, называвшие себя демократами, наплевали на, как минимум, два, а то и три поколения россиян! Весь этот бред «шоковой терапии», презрение к людским судьбам, подлая приватизация, унижение человеческого достоинства приведут к реваншу прежних сил, говорил я! Что, спустя десяток лет, и проявилось... А между тем, эти ребята, сделавшие слово «демократ» ненавистным в России, успешно плавают на поверхности сегодняшней российской жизни. Вот и думай: когда Россия «стряхнёт свой сон»... Боюсь, этот разворот к былому – надолго. И тоже не раз слышал слова удивления: как ты этот «реваншизм» предвидел?! Впервые, не один я. Многие нормальные люди не понимали и не принимали происходящее. Тут и вовсе не нужно быть аналитиком.

А. Р.: Твоя жизнь наверняка была богата литературными встречами, некоторые из которых переросли в пожизненную дружбу. Кого бы ты хотел вспомнить сегодня из тех, кто повлиял в своё время на твою творческую судьбу или духовное становление?

Д. Ч.: Прежде всего, назову имена руководителей семинара в Литинституте имени Горького. Это замечательный литературный педагог Лев Озеров, это неповторимый Фазиль Искандер, это Анаида Беставашили, остроумная, ироничная, бесконечно заботливая к нам, делившаяся своим опытом переводчика грузинской прозы. Литинститут любят ругать. А нашему семинару повезло с наставниками. Позднее –

тбилисский поэт Александр Цыбулевский, который очень повлиял на моё становление, как литератора, человек, который стал в последние годы его жизни моим старшим другом и духовным наставником. Не стану называть тех литераторов, с кем связан долгой человеческой дружбой, кто оказывал влияние на становление моих взглядов и вкусов. Боюсь упустить кого-то...

А. Р.: Назови, пожалуйста, своих любимых классиков и авторов нового времени, к произведениям которых ты возвращаешься всю жизнь.

Д. Ч.: По тем же соображениям, что и в ответе на предыдущий вопрос, не стану называть имена здравствующих поэтов-современников – список будет некоротким, а вдруг кого-то назвать забуду... Что до русской классической поэзии, так куда ж без Пушкина и Лермонтова? Баратынский, Тютчев. Ходасевич, Георгий Иванов. Бунин. Молодой Маяковский. Цветаева, Пастернак, Ахматова. Особенно – Мандельштам. Заболоцкий, Тарковский, Самойлов. Я всеядный. Но мне это жить не мешает.

А. Р.: «Чего искали не узнали / выпрастываясь из одежд / завяжем времечко узлами / несостоявшихся надежд». Каково твоё самое большое разочарование в жизни и жалеешь ли ты о чём-либо в прожитом?

Д. Ч.: Я уже сказал, что тяжело переживаю разворот российского корабля к прежнему курсу. О чём жалею? О том, что когда-то, кого-то обидел, всё больше от глупости. Это не забывается, точит всю жизнь... С годами, кажется, становишься умнее, но ведь и скептичней, видимо... Иными словами, лучше уже не станешь, а жаль.

А. Р.: Что бы ты пожелал с высоты прожитого и пережитого своим лучшим врагам?

Д. Ч.: Пусть будут здоровы! Потому что, когда они уйдут, обнаружится, что они тоже были частью моего бытия. Хотя, честно говоря, мало вижу врагов, как таковых. Мне как-то по жизни больше везёт на замечательных людей.

А. Р.: Как бы ты определил свой поэтический стиль, оперируя существующими или известными лишь тебе «измами»?

Д. Ч.: Я никакого «изма» не назову. Мне кажется, что стихотворение в момент написания владеет тобой, ведёт тебя, следует довериться слову, переживанию, чувству. Чуть не сказал «вдохновению», но это высокопарно звучит по отношению к собственным сочинениям.

А. Р.: Какое стихотворение ты хотел бы подарить сегодня нашим любезным читателям?

Д. Ч.: Подарить? Громко сказано. Предложить могу:

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Настала лучшая пора,
Глаз не смыкая, до утра
Раздумывай неспешно
Над тем, что твой вчерашний день
Ложится, как на травы тень,
Как свет во мгле кромешной.

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Клянись седою головой,
Что не был предан друг тобой,
Что – пусть как Бог усталый –
Ты с чистой совестью идёшь...
И если это всё не ложь –
Не умирай, пока живёшь,
Как говорили галлы!

А. Р.: По роду своей литературной деятельности тебе пришлось столкнуться со многими молодыми и даже начинающими авторами. Если исходить из презумпции, что ты не пришёл от этого обстоятельства в тоску или отчаянье, то что бы ты пожелал им сегодня и от чего бы остерёг?

Д. Ч.: Я бы пожелал им: научитесь учиться! Научитесь не приходить в восторг от своих сочинений! Увидеть свой текст сторонним взглядом очень полезно. Это охлаждает свой пыл и даёт шанс на развитие своих способностей.

А. Р.: Есть ли вопрос, который я тебе не задал и на который тебе хотелось бы или не хотелось отвечать?

Д. Ч.: Да нет, пожалуй. Вопросы, которые я сам себе задаю, получают или не получают мои ответы, но это «для внутреннего употребления».

А. Р.: «Наш век на земле быстротечен. / И тесен назначенный круг. / А он неизменен и вечен – / Поэта неведомый друг». Представь, дорогой Дания, что в некоем весьма отдалённом и даже непредставимом будущем этот неизменный и вечный друг подошёл в «элизии теней» к благородному камню, на котором уже с трудом читается твоё милое земное имя. Какую надпись он прочтёт под ним, раздвинув благоуханные ветви горного розария?

Д. Ч.: Весьма аккуратно ты выразился: «в весьма отдалённом». А тут не успеешь оглянуться, уже пора рюкзачок на дорожку собирать. Такой скорее всего случайный посетитель прочтёт имя-фамилию и две даты. Вероятней всего, ему это мало что скажет. Не напишешь ведь: «поэт»... может, смеху не оберёшься. А нужно ли давать повод для смеха над своим прахом?..

А. Р.: Спасибо тебе, мой друг, за мудрость, скромность и откровенность. Вижу детскую улыбку на твоём лице, и храню её с первой встречи.

Даниил Чкония, Анастасия Андреева и Александр Радашкевич на вечере Бахыта Кенжеева («Осенние встречи "Эмигрантской лиры"»).
Брюссель, 15.XI.2014 г. Фото Елены Стрельчик.